

ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ 1812 г. В МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ: ВОПРОСЫ СОДЕРЖАНИЯ И РЕПАТРИАЦИИ

Данная статья посвящена вопросам содержания иностранных военнопленных 1812 г. на территории Могилевской губернии и последующей их репатриации на родину. Указывается, что военные и гражданские власти старались проявить заботу о пленных, пытались, насколько было возможно, смягчить их участь, снабжая одеждой и выплачивая соответствующее их чину жалование. Отмечается, что отечественная история военного плена содержит огромный объем еще не вовлеченной в научный оборот информации и в целом имеет очень много ракурсов и интереснейших сюжетов, которые требуют дальнейшего глубокого и комплексного исследования.

Война – трагедия, более того, как показала мировая история, это трагедия и страны (стран), на которую совершается нападение, и страны-агрессора. И если военные действия часто касаются лишь политики и воинского искусства, то последствия вооруженного конфликта затрагивают уже практически все сферы жизни общества. Проблема оккупированных территорий, проблема разрушенных городов, проблема беженцев и пленных – вот лишь ряд “побочных эффектов” любой войны. Не стала в этом отношении исключением и францужско-русская война 1812 г. Яркий пример тому – размещение и содержание огромного контингента военнопленных Великой армии Наполеона на могилевской земле.

Обстоятельства, при которых французские военнослужащие попадали в плен на территории Могилевской губернии, были различны. Приведем примеры. Утром 9 июля 1812 г. 2 эскадрона французских конных егерей перерезали дорогу у д. Салтановка, а другие эскадроны спешили и попытались окружить батальон отходивших русских егерей. Последние не растерялись и атаковали неприятеля в штыки, заставив очистить занятую дорогу. В ходе произошедшего боя находившиеся рядом с егерями казаки взяли в плен раненого полковника Ж.С. Мишо де Сен-Марса, 8 обер-офицеров, 206 рядовых противника. Генерал П.И. Багратион выразил благодарность офицерам, а рядовым приказал выдать “раненым по рублю, а прочим, бывшим в действительном деле, по пятидесяти копеек” [1, с. 471].

Из журнала боевых действий русской армии за ноябрь 1812 г.: “Генерал-лейтенант Шепелев доносит, что он, сближаясь к Мстиславлю, осведомился, что неприятельский отряд в числе 159 человек, оставляя город, бежит по дороге к Могилеву, почему приказал полковнику Андреянову 1-му вслед за ним отрядить партию казаков, которая, догнав их в деревне Ширки, побила более 100 человек и взято в плен 18 человек” [2, с. 386].

В числе военнопленных были представители всех родов оружия – пехотинцы, артиллеристы, кавалеристы (гусары, уланы, кирасиры) и др. Многие из них участвовали в крупнейших сражениях Европы, побывали в Москве и, покинув ее, испытали на себе все ужасы отступления – голод, холод, роковую переправу через Березину. Необходимо отметить, что военные и гражданские власти старались проявить заботу о пленных, пытались, насколько было возможно, смягчить их участь, снабжая одеждой и выплачивая соответствующее их чину жалование.

Так, в конце июня 1812 г. начальник Главного штаба 1-й Западной армии подписал постановление для дежурного генерала, определявшее размер суточного довольствия военнопленным. Военнопленным унтер-офицерам и рядовым полагалось 10 коп. и "обыкновенная дача солдатского провианта", дезертирам – провиант и 15 коп., обер-офицерам – 1 руб., майорам и подполковникам – 2 руб., полковникам – 3 руб., генералам – 4 руб., полным генералам – 8 руб. Порционные деньги выдавались медной монетой (в западных губерниях и за границей – серебром). Этому постановлению следовали и в других армиях.

В последующем были установлены более низкие размеры денежного содержания. Нижним чинам полагались солдатский провиант и 5 коп., обер-офицерам – 50 коп., майорам – 1 руб., полковникам и подполковникам – 1 руб. 50 коп., генералам – 3 руб. порционных денег, которые полагалось выдавать на 7 дней вперед (выплату осуществляли губернские казенные палаты). В августе 1813 г. Комитет министров счел возможным выдавать денежное содержание не только военнопленным, но и сопровождавшим их женам.

Необходимость содержать (охранять, кормить, лечить и одевать) все увеличивающееся число военнопленных вынуждала русское правительство искать пути сокращения издержек на их содержание. Циркулярным предписанием от 14 января 1813 г. предлагалось использовать труд военнопленных в различных сферах хозяйства. Для этого все они были разделены на 4 категории: первая – польские уроженцы; вторая – пленные, желавшие поступить на работы в России по своим гражданским профессиям или определиться на заводы и фабрики; третья – пленные-земледельцы, которых предлагалось селить среди иностранных колонистов в Саратовской и Екатеринославской губерниях, четвертая категория – прочие военнопленные, которых предполагалось использовать для восстановления разрушенных домов в Москве и других городах.

Военнопленных первой категории – выходцев из Польши – предписывалось отправлять на укомплектование российских полков, действовавших на Кавказе, в Грузии и на Сибирской линии. С решением этой задачи по мнению Комитета министров "не только уменьшится число пленных на содержании казны остающихся, но сохранятся еще собственные рекруты для усиления армий, против французов действующих" [3]. Здесь следует отметить, что судьбы значительной части уроженцев Польши из-за предвзятого отношения к ним со стороны российской власти и общества были predetermined задолго до начала вторжения Наполеона в пределы России, а именно – предшествовавшими разделами Речи Посполитой. В годы противостояний поляки традиционно рассматривались российским государством как изменники и мятежники. Соответственно, и поступать с ними предписывалось как с предавшими интересы "единоязычного и единоплеменного" с ними русского народа.

Следует заметить, что могилевские губернские учреждения достаточно скрупулезно исполняли предписания Санкт-Петербурга относительно обеспечения пленных питанием, деньгами и лошадьми. На местах пленных размещали в губернских и уездных городах, они находились под присмотром полиции и не имели права вести переписку. Для учета военнопленных губернским властям, в том числе и могилевским, предписывалось своевременно доставлять в столицу империи точные списки плененных солдат и офицеров.

И все же губернская администрация не всегда была в состоянии обеспечить военнопленных всем необходимым. В дороге некоторые из них умирали от холода, ран и болезней. Заболевших военнопленных положено было сдавать в городские больницы и после выздоровления отсылать в назначенные для жительства губернии. Однако почти во всех лечебных заведениях, действовавших

на территории Могилевщины, существовали проблемы с медперсоналом, лекарствами и продовольствием. В конце 1812 г. по предложению генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова на высвобождаемых от наполеоновских войск территориях стали разворачиваться временные военные госпитали. По обобщенным сведениям, было создано 27 таких госпиталей, в том числе и один из крупнейших в Могилеве [4, с. 59-60].

Основными причинами смерти военнопленных в госпиталях Могилевской губернии были тяжелые раны и болезни, явившиеся следствием участия в боевых действиях, а также инфекционные болезни, вызванные непривычным климатом и антисанитарными условиями. Все это, при недостаточном медицинском обеспечении во многом определило значительную смертность среди поступавших в госпитали военнопленных.

Так, в Старобыховском военном госпитале со времени его развертывания 28 февраля 1813 г. и до момента расформирования в 1814 г. от ран и болезней скончалось 12 военнопленных [5]. В Мстиславском военном госпитале за 4 месяца 1813 г. – 57 человек. В Могилевском военном госпитале потери были значительней. В 1813 г. в нем умерло 110 наполеоновских солдат и офицеров, в 1814 г. – 8, в 1815 г. – 4, в 1816 г. – 1 [6].

В конце 1812 г. началась частичная репатриация военнопленных. На родину возвращались подданные государств, ставших союзниками России, с целью использования их в качестве потенциальных солдат антинаполеоновской коалиции. Обращает на себя внимание то, что критерием для определения национальной принадлежности военнопленного российские власти избрали принадлежность к воинской части, где он служил ранее, а не место его рождения. К примеру, «итальянец служивший во французских войсках, должен быть показан в линейке французов, а не итальянцев» [7].

Первыми начали возвращаться на родину выходцы из германских государств. В середине января 1813 г. последовало предписание о репатриации пруссаков, в марте и ноябре того же года – подданных государств Рейнского союза, в мае – австрийцев. В январе 1814 г. было предписано возвратить из плена всех германцев, в том числе проживавших ранее во Франции и Голландии. Последними по распоряжениям от 31 марта и 6 апреля 1814 г. из русского плена были освобождены неаполитанцы и поляки.

Следует отметить, что до и после начала репатриации губернские власти активно занимались розыском пленных по запросам их близких родственников для передач посылок, денег и писем, присланных из Франции, Испании, Германии и Польши. Среди документов канцелярии Могилевского гражданского губернатора, имеющих отношение к военнопленным, немало таких, которые связаны с поисками отдельных из них (в основном офицеров). В частности, 9 февраля 1818 г. генерал-губернатор из Санкт-Петербурга запрашивал у могилевского губернатора, «не находится ли военнопленный Иозеф Бадовский на жительстве в Губернии управлению Вашему вверенной». По информации из Особенной канцелярии Министерства полиции польский помещик Бонифаций Бадовский прислал прошение «об отыскании неизвестно где находящегося брата его Иозефа Бадовского, служившего с 1807 г. во французских войсках старшим вахмистром и во время кампании 1812 г. взятого под городом Красным в плен, которому ныне по смерти родителей их достается по наследству имение» [8].

Заключительным актом пребывания военнопленных в Могилевской губернии стала их полная репатриация. Главнокомандующий в Санкт-Петербурге на основании высочайшего повеления направил 13 мая 1814 г. губернаторам предписание, в котором требовалось всех пленных отправить на родину. Вместе с

этим предписанием рассылалось “Распоряжение об отправлении в отечество военнопленных всех наций, в России находящихся”, разъяснявшее порядок проведения пленных.

Судя по рапортам полицмейстеров, направленным в адрес могилевского гражданского губернатора в 1816 г., практически все пожелавшие вернуться на родину военнопленные были “возвращены в свое Отечество”. Как следует из доклада Мстиславского полицмейстера, “по учиненной выprawке прусских, гессенских и мекленбургских подданных, попавших в плен, вступивших в подданство России, и никаким другим причинам в городе Мстиславле не находится, равно и в госпиталях подданных гессенских и мекленбургских не находилось и об умерших при проходе через город никакого сведения не имеется” [9].

В завершение отметим, что в последние годы интерес к судьбам военнопленных Великой армии продолжает усиливаться как в России, так и за рубежом. Однако данная проблема в целом имеет еще очень много ракурсов и содержит ряд любопытнейших сюжетов, которые требуют дальнейшего глубокого и комплексного исследования.

К настоящему времени изучена лишь часть сохранившегося до наших дней корпуса источников, касающихся пребывания солдат Наполеона в плену на территории Могилевской губернии. Мы надеемся, что расширение источниковой базы позволит выявить еще немало интересных фактов о последствиях французско-русской войны 1812 г. и судьбах ее узников. Пока же найденные документы ставят перед исследователем больше вопросов, чем дают ответов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цит. по **Попов, А.И.** Могилев / Отечественная война 1812 года: энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2004.
2. **Бескровный, Л.Г.** Хрестоматия по русской военной истории / Л.Г. Бескровный. – М.: Воениздат, 1947.
3. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 295. – Оп. 1. – Ед. хр. 101. – Л. 104.
4. **Корнеев, В.М.** Медицинская служба в Отечественную войну 1812 г. / В.М. Корнеев, Л.В. Михайлова. – Л., 1962.
5. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2001. – Оп. 1. – Ед. хр. 29. – Л. 135.
6. Там же. – Л. 136-138.
7. Там же. – Ф. 295. – Оп. 1. – Ед. хр. 101. – Л. 114 об.
8. Там же. – Ф. 2001. – Оп. 1. – Ед. хр. 51. – Л. 4.
9. Там же. – Ед. хр. 29. – Л. 184.